Marshall A. (1993). The principles of economic science. Moscow, Progress (in Russian).
Menger K. (2005). Selected works. Moscow, Publishing house «Territory of the Future». URL: phttp://www.prognosis.ru/lib/Menger%20RRR.pdf (in Russian).
Samuelson P. (1995). Economics: a textbook. Sevastopol, Ahtiar (in Russian).
Sei J.B. (2000). A Treatise on political economy. Moscow, Delo. URL: http://www.ek-lit.org/saysod.htm (in Russian).

Manuscript received 03.07.2018

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ДИЛЕММА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

О.Э. Бессонова

В статье делается попытка ответить на вопрос, какая социально-экономическая система вызревает в недрах эволюции, и объяснить, почему модель контрактного раздатка[1] обеспечивает условия для выхода на новый этап экономического развития. Концептуальной основой этого является новая парадигма, сконструированная на основе синтеза авторской теории раздатка с современными институциональными концепциями. Результатом переосмысления институциональной эволюции стал вывод о том, что противостояние рыночных и раздаточных экономик в XXI в. сменяется интеграцией институтов рынка и раздатка. Современной институциональной дилеммой становится не план или рынок, не социализм или капитализм, а квазирынок или контрактный раздаток. Внешне обе модели выглядят аналогично: ресурсы распределяются через государственный заказ на конкурсной основе и заключаются контракты с правовыми гарантиями. Однако квазирынок базируется на экстрактивном синтезе рынка и раздатка и защищает монопольное присвоение общественной ренты узкой группой лиц, тогда как модель контрактного раздатка обеспечивает эффективное включение всех социальных групп в процесс экономического развития.

Ключевые слова: квазирынок, контрактный раздаток, порядок открытого доступа, инклюзивные институты, раздаточная экономика.
JEL: B52.

© Бессонова О.Э., 2018 г.

Бессонова Ольга Эрнестовна, д.соц.н., ведущий научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск, Россия, beol@ngs.ru

[1] Авторский термин. – *Примеч. ред.*

ВВЕДЕНИЕ

На основе системного анализа экономического развития ведущие экономисты (см., например, (Аганбегян, 2017)) сделали вывод о том, что социально-экономическая система современной России не обеспечивает устойчивое динамическое развитие, не удовлетворяет потребности граждан, порождает острые социальные неравенства, снижает роль России в мировой экономике и поэтому нуждается в коренном изменении. В связи с этим актуальная повестка состоит в том, чтобы найти ответ на вопросы: «К какой социально-экономической системе нужно переходить России? Какая социально-экономическая система вызревает в недрах эволюции развитых и развивающихся стран?». В статье делается попытка ответить на поставленные вопросы и объяснить, почему модель *контрактного раздатка* обеспечивает условия и для выхода на новый экономический этап развития, и для формирования реального социального государства в России. Методологической основой этого является новая парадигма[2], сконструированная на основе синтеза авторской *теории раздатка* с современными институциональными концепциями. В результате были изменены базовые постулаты, связанные с введением категории «*раздаток*» как нерыночной экономики с новыми смысловыми признаками (табл. 1).

В новой парадигме происходит смена базовых постулатов: *рынок* и *раздаток*[3] на глобальном уровне рассматриваются как универсальные механизмы координации, а на локальном практическом уровне представляют собой *равноценные руки* государства (Бессонова, 2015, 2018). Концепция состоит в том, что рынок и раздаток – две базовые модели развития человечества, они не существуют одна без другой и взаимодействуют по принципу доминантность–компенсаторность. На архетипическом уровне модель рынка – отношения купли-продажи, частная собственность и прибыль как сигнальный институт. Модель раздатка включает отношения сдач-раздач, общественно-служебную собственность и административные жалобы в качестве сигналов обратной связи.

Рыночные и раздаточные способы координации экономической деятельности зародились в древности, прошли циклический путь развития, в рамках которого вырабатывались

[2] *Парадигма* – теоретическая интерпретация картины мира, включающая концептуальную рамку, базовые постулаты и категориальный аппарат.

[3] Слово «*раздаток*» (от глагола *раздавать*) взято из: *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. URL: http://slovardalja.net/word.php?wordid=35408.

Таблица 1

Нерыночная экономика в «старой» и «новой» парадигме

Старая парадигма*	Новая парадигма (раздаток)
Искусственная, субъективная	Естественная, объективная
Внеисторическая, сконструированная диктаторами	Имеет длительную историческую протяженность
Отсутствуют сигналы обратной связи и механизм саморегулирования	Сигналы обратной связи (в форме административных жалоб) обеспечивают механизм саморегулирования
Обслуживает только авторитарные режимы	На определенном этапе развития становится демократической
Антагонизм с рыночными институтами	Сосуществует с рыночными институтами как вспомогательными
Государственно-принудительный характер труда	Служебная организация труда с базовой мотивацией служения

* Нерыночную экономику в старой парадигме называли по-разному: редистрибутивной, административно-командной, централизованно-управляемой, плановой, распределительной. В новой парадигме – это раздаточная экономика (раздаток), в которой рыночные отношения играют вспомогательную, компенсаторную роль.

их формы, соотнесенные с технологическими укладами и характером окружающей среды. В рынке и раздатке на основе ядра базовых институтов выстраивается хозяйственный механизм, определяющий институциональные формы, совокупность которых и представляет собой институциональную матрицу, задающую правила игры определенного цикла.

Универсальный характер институциональной координации означает использование рыночных и раздаточных отношений разными народами в национальных формах в разные исторические периоды. При этом непримиримыми антагонистами являются не рынок и раздаток, а их идеологические оформления – капитализм и социализм, выстроенные на акцентировании только противоположных свойств. «В конфликте между “социализмом” и “капитализмом” ключевое место занимает вопрос о том, какую роль государство должно играть в хозяйстве… Новая парадигма начинается с опровержения идеи вмешательства государства в хозяйственную деятельность. Вместо этого утверждается, что его действия *всегда* играют ключевую роль в формировании хозяйства и позиционировать государство как нечто за рамками хозяйственной деятельности – бессмысленная задача… Все зависит от особенностей сочетания действий государства и рынков: какое сочетание порождает хищническое государство? Какое их сочетание ведет к увеличению неравенства?» (Блок, 2004, с. 37, 46, 47).

Главное отличие новой парадигмы состоит в том, что рынку противопоставляется не государство, а как однотипный рынку объективный механизм координации, в то время как государство в лице его иерархических органов управления – только субъект использования как рыночных, так и раздаточных отношений в конкретных целях. «Это великая ловушка двадцатого столетия: нам постоянно говорят, что рынок и государство противоположны друг другу и что только в пространстве между ними у человека остается простор для действий. Но это ложное противопоставление. Государства создали рынки. Рынкам требуется государство. Одно не может существовать без другого, по крайней мере, в том виде, в котором мы наблюдаем их сегодня» (Гребер, 2015, с. 75). Государство разрабатывает и внедряет хозяйственный механизм, который создает институциональную матрицу, осуществляющую воспроизводственные процессы и координирующую деятельность разных социальных групп.

На основании такого сдвига парадигмы была переосмыслена институциональная эволюция рыночных и нерыночных систем, результатом чего стало новое видение итогов – как «Великой трансформации» рыночной матрицы (по образному выражению К. Поланьи), так и российской трансформации раздаточной экономики.

1. ИТОГИ «ВЕЛИКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ» РЫНОЧНОЙ МАТРИЦЫ

Экономическая эволюция Запада с точки зрения нового подхода представляет собой циклическое развитие рыночных институтов, которые на каждом цикле принимали разные формы, соответствующие историческому этапу. Однако современный Запад стал эффективным и динамичным исключительно за счет синтеза институтов рынка и раздатка, заменив либеральный рынок с периодическими кризисами моделью, которая в новой парадигме называется *контрактным раздатком*. На ее основе формировались государственные заказы в стратегические отрасли, направлялись государственные инвестиции в инфраструктурные проекты и реализовывались социальные программы. Фактически так было построено государство «всеобщего благосостояния», или социальное государство, что существенно расширило емкость внутреннего рынка и снизило социальное напряжение в обществе. Вот почему в западном мировоззрении так актуальна тема социального капитала, для чего необходимо было развивать общественный

сектор, гарантировать права на образование, здравоохранение, социальные пособия по безработице, старости, инвалидности. В результате это привело к новому качеству форм собственности (Кларк, 2011).

Путь к социальному государству был вполне закономерным. Поскольку рыночная экономика создает поляризацию населения по доходам, существует риск, что бедное большинство может демократическим путем привести к власти своего лидера для преобразования общества и передела собственности богатых в пользу бедных. Первый инструмент, который был выработан для преодоления этого противоречия, – избирательные цензы, включающие имущественный, расовый, возрастной, половой. Они отсекали от голосования то самое большинство, которое явно проголосовало бы против буржуазных ценностей. Имущественный ценз был установлен пропорционально доходам, и его варьировали от выборов к выборам. Во времена *цензовой демократии* начиная с полисов Древней Греции на выборы вообще допускались только состоятельные граждане, а народ в выборах не участвовал. По оценкам специалистов в голосовании тогда участвовало около 4% населения.

Под угрозой распространившегося марксистского учения и революционных настроений замены капитализма социализмом в начале XX в. возникла идея формирования «среднего класса», который составил бы большинство и поддержал состоятельное меньшинство в условиях отмены имущественного ценза. Выход был найден – в достраивании рыночных отношений раздаточными, а концепция социального государства оформила такой синтез институтов идеологически. К 1960-м гг. в развитых западных странах была построена экономика, опирающаяся на интеграцию *базовых рыночных институтов и компенсаторных раздаточных механизмов в форме масштабных социальных программ*, общественных секторов, бюджетной поддержки низкорентабельных отраслей, государственных инвестиций в инфраструктуру и инновационные технологии (рис. 1).

Теория экономикс долго базировалась на абсолютизации рынка и частной собственности. Более того, утверждалось, что по сути нерыночные, архаичные институты должны быть преобразованы в рыночные. Однако в 2009 г. П. Самуэльсон внес существенные поправки в свой учебник по рыночной экономике, напи-

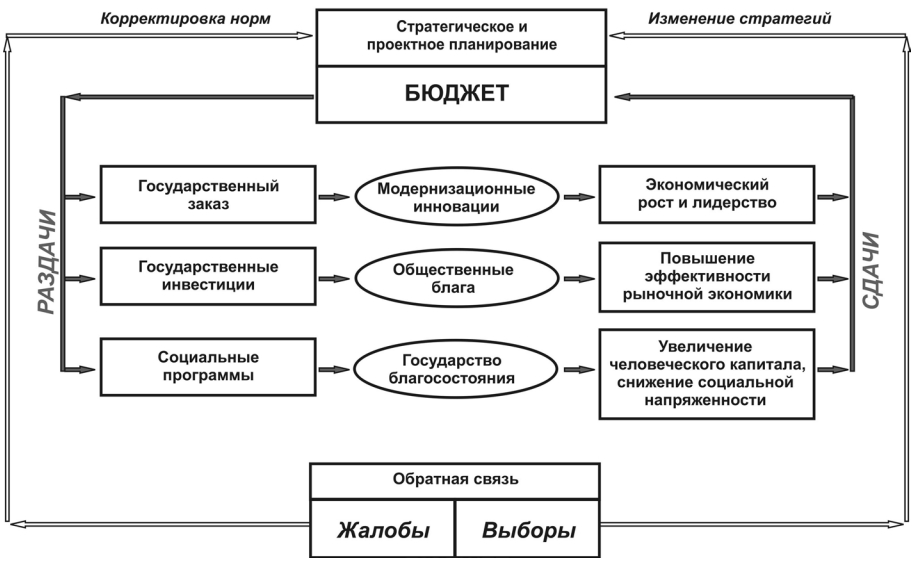

Рис. 1. Механизм социального государства на основе контрактного раздатка

сав Центристскую прокламацию, где «заявил о ценности смешанной экономики – экономики, которая комбинирует жесткую дисциплину рынка со справедливым правительственным контролем. Экономическая история подтверждает, что ни нерегулируемый капитализм, ни чрезмерное зарегулированное центральное планирование не могут организовать эффективное современное общество» (Samuelson, Nordhaus, 2010, p. XVI–XVII). Американский профессор М. Блок продолжает эту мысль: «Фактически не существует такой единой однородной субстанции, как капитализм свободного рынка. Существующие рыночные общества характеризуются различными способами структурирования хозяйственных институтов. В реальности нигде нет и не может быть той рыночной экономики, о которой пишут в учебниках» (Блок, 2004, с. 48).

На примере США, некогда самой либеральной экономики мира, Р. Хиггс показал механизм трансформации свободного рынка, названный им «эффектом храповика»: в кризисные периоды уже более 100 лет создаются дополнительные органы государственного регулирования, продолжающие функционировать и в стабильные периоды (Хиггс, 2010). Американский профессор Г. Хайден, опираясь на многочисленные исследования американских институционалистов, сделал вывод, что современная западная экономика уже не является либеральной рыночной системой, поскольку государственное регулирование включает большую долю плановых и проектных инструментов (Hayden, 2017).

А. Хиршман разработал концепцию гражданских жалоб («голос») как нерыночных сигналов обратной связи в социальном государстве. «“Голос” мы будем понимать, как любую попытку не уйти, но изменить нежелательное состояние дел с помощью индивидуального или коллективного призыва к руководству, к более высокой власти, способной повлиять на это руководство, или с помощью различных типов действий и протеста, в том числе направленных на мобилизацию общественного мнения» (Хиршман, 2009, с. 36). Британский управленец Д. Ле Гранд обобщил свой опыт работы в органах власти в 2000-е гг. (Ле Гранд, 2011). Он наглядно показал соотношение ролей государства и рыночных институтов, а также механизм влияния жалоб на принятие решений в такой среде.

Функции современного государства в экономике чрезвычайно разнообразны:

- создание и воспроизводство общественных благ (городские парки, маяки, дамбы, мосты и т.д.);
- сокращение негативных последствий, которые возникают в результате частной хозяйственной деятельности (загрязнение окружающей среды, вредные условия труда, опасные продукты);
- производство общественно необходимых благ на государственных предприятиях, а также через субсидии частным производителям или совместное производство государственными и частными агентствами;
- макроэкономическая стабилизация для смягчения влияния бизнес-цикла в форме поддержки постоянного доступа к кредитам, а также через учреждение институтов кредитования, посредством регулирования банковской сферы;
- государственное обеспечение в случае болезни, инвалидности и старости, социальное страхование; жилищные программы на основе общественных секторов, жилищных пособий, дотаций и льготного кредитования строительного сектора, льготные ипотечные программы для разных социальных групп;
- государственное образование для тех, кто не может себе позволить платное;
- стимулирование национальной промышленности посредством установления таможенных пошлин, построения инфраструктуры как средства привлечения частных инвестиций, поддержания высокого уровня инвестиций в производство за счет государственных средств;
- содержание оборонного комплекса, вложения в высокие технологии, освоение космоса, обеспечение эффективного ипользования природных ресурсов;

• контроль и регулирование ценового механизма через налоговые системы и антимонопольное законодательство.

Активное интегрирование *институтов раздатка* происходило с целью минимизации «провалов» рынка и создания социальных государств за счет системы общественных благ, перераспределяющих выгоды от рыночной экономики между разными социальными слоями. Институты и *механизмы раздатка*, имплантированные в рыночную среду, снижали возможный уровень агрессии и насилия со стороны малоимущих групп. Это привело к формированию порядка открытого доступа через отмену цензов и введение всеобщих прав на выборы, а также к изменению идеологии рыночной экономики, которая теперь ориентируется не только на «личный успех», но и на обеспечение равных шансов развития для всех социальных групп.

Раздаточные отношения в западной рыночной экономике состоят в финансовых гарантиях для функционирования пенсионной системы, пособиях по безработице и системе социальной защиты, а также государственной поддержке малого и среднего бизнеса. Все это *прямые раздачи* для бедного большинства в разных видах и формах, как пассивных – посредством пособий и социальной защиты, так и активных – через субсидии малому и среднему бизнесу. Посредством раздаточных отношений значительная доля населения получила от государства либо пособия, либо дешевую ипотеку, а значит, право собственности на недвижимость либо на свой мелкий бизнес. Таким образом, задача была решена, средний класс стал составлять необходимое большинство, а рыночная матрица осуществила свою «Великую трансформацию», интегрировавшись в контур социального государства (Поланьи, 2002). Нобелевский лауреат по экономике Д. Норт определил этот период западной экономики как «порядок открытого доступа», в котором «граждане разделяют системы убеждений, которые акцентируют равенство, совместный доступ и всеобщее включение. Чтобы поддержать эти убеждения, все порядки открытого доступа используют институты и проводят политику, позволяющую распределить выгоды и понизить индивидуальные риски участия в рыночной деятельности, которые включают всеобщее образование, набор программ социального страхования, а также обширную инфраструктуру и общественные блага. Более того, поскольку эти программы широко распределяют выгоды рыночной экономики дополняющим рынки способом, они способствуют снижению потребности граждан в таком перераспределении, которое способно нанести вред экономике» (Норт, Уоллис и др., 2011, с. 204–205).

В связи с произошедшими институциональными изменениями современная ситуация также меняет проблематизацию – дилеммой становится не план или рынок, не социализм или капитализм, а *квазирынок*, или *контрактный раздаток* (рис. 2). Внешне обе модели выглядят аналогично – ресурсы распределяются через госзаказ на конкурсной основе и заключаются контракты с правовыми гарантиями. Однако модель контрактного раздатка опирается на *инклюзивные институты*, что обеспечивает включение всех социальных групп в процесс общественного развития. Квазирынок опирается на *экстрактивные институты* и защищает монопольное присвоение общественной ренты узкой группой лиц в личных интересах[4].

Пока существовал СССР, рыночные экономики осуществляли инклюзивный синтез рынка и раздатка, перераспределяя общественную ренту между разными социальными слоями и формируя обширный средний класс. Т. Пикетти называл период 1950–1980-х гг. «славным тридцатилетием», когда неравенства в Европе сокращались. После развала советской системы возникли тенденции экстрактивного синтеза рынка и раздатка, с помощью которого перераспределялись выгоды от государственных заказов и государствен-

[4] О сущности инклюзивных и экстрактивных институтов см. (Аджимоглу, Робинсон, 2015, с. 105–108).

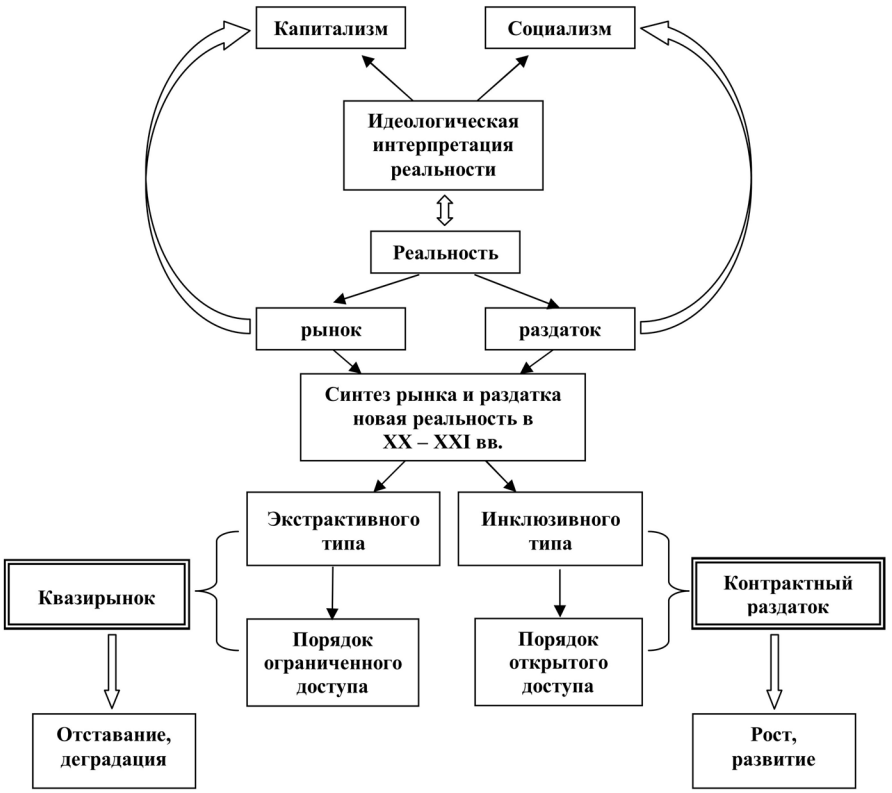

Рис. 2. Новая реальность как рамка развития в XXI в.

ных инвестиций в пользу конкурирующих узких кланов, искажая контур социального государства (Пикетти, 2015).

«Участившиеся жалобы американцев на то, что Соединенные Штаты управляются представителями элиты и влиятельными лобби, отражают реальность растущего неравенства в доходах и благосостоянии в период с 1970-х до ранних 2000-х… Со временем элиты стали способны защитить свои позиции, играя с политической системой, перемещая свои деньги в офшоры, чтобы уклониться от налогов, и передавая свои преимущества детям путем обеспечения привилегированного доступа к элитным институтам» (Фукуяма, 2015, с. 28–29).

За последние полвека строительства социального государства на Западе принципы и формы существования раздаточных секторов в рамках рыночных экономик значительно менялись, находились более совершенные, отменялись неподходящие и проблемные (Хэзлитт, 2000). Каждая европейская страна выработала свой механизм сочетания рынка и раздатка. Общей закономерностью является тот факт, что на рубеже 1960–1970-х гг. первичный синтез раздатка и рынка привел к кризисным явлениям, что побудило многие страны провести институциональные реформы. Суть этих реформ – адресный характер помощи разным социальным группам, а не обезличенная раздача через финансирование отраслей из бюджетных средств. Мировой финансовый кризис 2008 г. привел к пониманию рисков распределения государственных средств через частные каналы. При этом сам вектор развития в направлении поиска качественного синтеза ресурсов государства и рынка тем не

менее не ставится под сомнение. Декларация французских социологов гласит: «Все формы институционализма демонстрируют недостаточность и неизбежность провалов сугубо рыночного регулирования. Однако заменить рыночное регулирование огосударствленной экономикой никто тоже не предлагает. Все признают ту важную роль, которую играют и государство, и рынок» (Буайе и др., 2004, с. 20). Процесс поиска правильного баланса рыночных и раздаточных форм, механизмов, секторов продолжается и в XXI в.

2. КОНТРАКТНЫЙ РАЗДАТОК – ЗАКОНОМЕРНЫЙ ЭТАП В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ РАЗВИТИИ РОССИИ

Одним из результатов новой парадигмы стал вывод, что эволюционное развитие российской экономики проявлялось в периодическом усовершенствовании институциональных форм при неизменном базовом ядре раздатка, и происходило это с помощью трансформационных фаз, основу которых составлял квазирынок (рис. 3).

В IX–XII вв. *общинный раздаток* опирался на урочный хозяйственный механизм: сбор ресурсов в «государственную» казну происходил на основе установленных «уроков» для сельских и городских общин. В ее рамках был создан механизм служебного рабства, при котором общинник обязывался реализовывать хозяйственную программу и мог покидать общину только в случае подачи жалобы верховному правителю – великому князю.

В XV–XIX вв. функционировал поместный раздаток с использованием тяглового хозяйственного механизма. В этот период была найдена и использовалась такая институциональная форма, как служебная вотчина, в которой возник первичный синтез частных и государственных интересов.

В XX в. *административный раздаток* формировался на основе планового хозяйственного механизма, в рамках которого раздаточные механизмы максимально прояви-

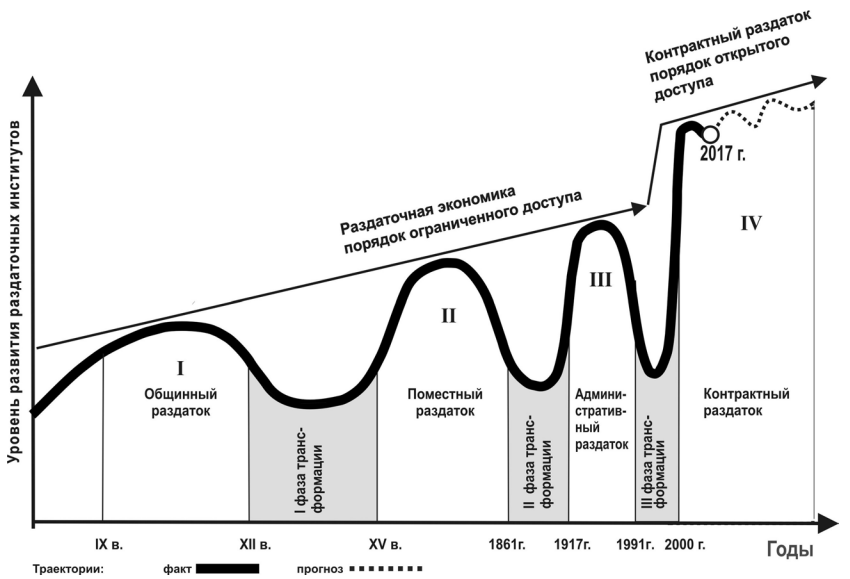

Рис. 3. Институциональное развитие России: от раздаточной экономики к контрактному раздатку

ли как свой потенциал, так и ограниченные возможности. Методология оптимального планирования, логика дотационных схем, методика общественных секторов и фондов потребления позже были заимствованы западной экономикой для преодоления ее кризисных периодов.

В настоящее время состояние российской экономики, которая находится в III трансформационной фазе, имеет сходство с первым российским капитализмом II трансформационной фазы не только по типу институциональной среды, но и по набору системных противоречий. Общими чертами являются: доминирующая и двойственная роль государства, совмещающего функции регулирования и предпринимательства; обширный госсектор монопольного характера; финансовая связь чиновничества и высшего слоя предпринимателей; распределение госзаказов по компаниям, принадлежащим узкому кругу правящего слоя.

Российская экономика в 1990-е гг. активно заимствовала западные институты, однако это происходило без учета ограниченного или открытого порядков доступа, в которых развивалась рыночная экономика. Попытка осуществить модернизацию на экстрактивных институтах привела к тому, что очередной российский капитализм сразу превратился в квазирынок и не смог преодолеть кризисные тенденции советского *административного раздатка*, а, напротив, способствовал увеличению неравенств, отмене социальных прав, усилению экономической неэффективности.

В отличие от западных практик квазирынка в исходно рыночной среде ключевое свойство квазирынка в России состоит в том, что он становится доминирующей институциональной моделью в трансформационные периоды. Квазирынок отличается от классического рынка тем, что он использует механизмы купли-продажи для присвоения уже созданных производственных систем и инфраструктуры. Если рынок движим интересами предпринимателей и потребителей, то квазирынок прежде всего обслуживает интересы властных структур через механизмы предпринимательства. Свойство квазирыночности состоит в том, что под внешними рыночными механизмами (конкурсы, тендеры, аукционы) скрываются искаженные по отношению к нормативному порядку, раздачи «своим». Нормативно-функциональные отношения сдач-раздач, которые в структурированных фазах подчинены реализации государственных задач, в трансформационных фазах переводятся в плоскость неформальных связей, нацеленных на получение личной прибыли от использования государственных ресурсов. Внешне присутствуют все атрибуты рыночного хозяйства: частная собственность, отношения купли-продажи, свободное ценообразование. Однако сохраняется латентное раздаточное содержание: частные компании и фирмы в массе своей не вырабатывают рыночно-ориентированные стратегии, а ведут борьбу за государственный ресурс в разных его формах и стремятся использовать связи во властных структурах для контроля над конкуренцией. Такая институциональная среда дает временный экономический эффект благодаря внешней открытости и переориентации внутренних задач развития на ресурсное обслуживание мировой экономики, а также за счет рыночного использования уже имеющейся инфраструктуры и индустриальных объектов, созданных на предыдущем цикле.

Институциональное подобие двух рыночных периодов российской траектории развития привело к однотипному характеру взаимодействия власти и предпринимателей: «Буржуазия и в период первого капитализма привыкла надеяться на помощь государства: казенные заказы были надежным источником доходов. Если предприятие оказывалось на грани банкротства, его хозяева обращались за помощью, прежде всего, к государству. Однако отношение к государственному диктату было двойственным: с одной стороны, буржуазия была недовольна ограничением сферы своей деятельности, с другой стороны, устанавливались тесные связи между частными предпринимателями и чиновниками, что порождало коррупцию» (Конотопов, 2005, с. 112).

Организационной формой квазирыночных институтов в России является государственно-коммерческий гибрид, в котором существуют крупные государственные корпорации и федеральные фонды. Гибридные формы периодов квазирынка нацелены на закрепление практик, в которых латентные раздаточные механизмы продолжают играть главную роль и позволяют под прикрытием форм рыночной экономики получать государственный ресурс для личной выгоды. Такие организационные формы порождают дефекты институциональной среды – масштабную коррупцию, оппортунизм в использовании государственных ресурсов, погоню за сверхприбылью в форме ренты, отсутствие мотивации к труду и мотивов инвестирования на фоне все усиливающейся технологической отсталости.

Возьмем пример с жилищной ипотекой. Сравнение российской и американской ипотечной системы показывает, что американцы к ней относятся достаточно позитивно, в России же ипотека воспринимается как долговая кабала и ориентирована на потребности только узкого сегмента среднего класса. Это происходит потому, что американская рыночная модель в начале XX в. была трансформирована на основе государственных жилищных корпораций. Федеральный бюджет США взял все страховые риски на себя, в результате чего были сформированы доступные ипотечные продукты для разных социальных групп. Однако в России применялась схема коммерческой формы ипотеки, когда все риски перекладываются на заемщика. Именно такая модель ипотеки привела к тому, что жилищный рынок в России работал неэффективно и порождал все увеличивающийся разрыв между массовым спросом на доступное жилье «эконом-класса» и элитным предложением дорогостоящих квартир, большинство из которых использовалось как инвестиционный ресурс. В настоящее время квазирыночная жилищная политика начала трансформироваться: разработаны программы льготной и служебной ипотеки для реализации массовой жилищной программы нового стандартного жилья.

Таким образом, квазирынок представляет собой такую экономику, в которой формальные рыночные отношения являются только внешней правовой оболочкой неформальных раздаточных связей. В свою очередь, *контрактный раздаток* – институциональная модель социального порядка открытого доступа, при которой обеспечивается раздача общегосударственных ресурсов предпринимательским и бюджетным структурам на контрактной и конкурсной основе под условия выполнения ими государственного заказа, сформированного на базе государственных программ стратегического развития отраслей и территорий (табл. 2).

О масштабах российской контрактной системы свидетельствуют цифры: институт контракта упоминается в 2286 федеральных законах, государственные и муниципальные заказчики заключают контрактов на 30,6 трлн руб. ежегодно. Стоимость товаров, работ и услуг, которые обращаются в контрактной системе, составляет около 37% ВВП. Однако в сегменте государственного заказа доминируют крупные, системные поставщики. В итоге произошла концентрация государственных контрактов у узкого круга лиц: 80% бюджетных средств законтрактовано у 3% работавших в государственном заказе поставщиков. При этом зафиксированы отклонение текущей модели контрактной системы от эффективного равновесия, информационная асимметрия и некооперационное взаимодействие участников. Это связано с увеличением размеров неконкурентных закупок, квазиторгов, стоимостных диспропорций. В результате контрактная система подходит к границе, за которой коммерческий договор и рыночный обмен замещаются на иные отношения – административно-командные взаимодействия и «родственно-свойские (свойственные)» связи (Анчишкина, 2017).

Необходимость перехода от квазирынка к контрактному раздатку связана с риском повторения трансформационной фазы второго институционального цикла. Тогда после краткого роста началась длительная стагна-

Таблица 2

Сравнение моделей квазирынка и контрактного раздатка

Государственный заказ	Квазирынок на основе экстрактивных правил	Контрактный раздаток на основе инклюзивных правил
Тендер (конкурс)	Закрытый, с заранее известным результатом, с использованием подставных фирм	Конкурентный, прозрачный, выбор эффективного подрядчика
Условия контракта	Регулярный пересмотр сроков и сумм без штрафов	Расторжение контракта со штрафами в случае нарушения сроков и расходов
Расходование средств	Извлечение собственником доходной части до реализации проекта, откаты, нарушение сметы в ущерб проектным задачам, необоснованное увеличение менеджерских выплат	Финансирование проектных задач строго по нормативам и условиям контракта, выплаты доходов менеджерам и собственникам после завершения и сдачи проекта с удовлетворительной оценкой
Осуществление проектных задач	Непредусмотренный наем субподрядчика за средства, не соответствующие масштабам проекта, и изначальное снижение стандарта качества реализации проекта	Самостоятельное осуществление проекта в контрактные сроки по документации с обеспечением максимально возможного качества
Выбор поставщиков и контрагентов	Привлечение аффилированных компаний (родственников и друзей) с многократным завышением цены на их услуги	Привлечение по рыночным ценам фирм, доказавших свою эффективность и надежность
Контроль и санкции	Отсутствие контроля расходования государственных средств, сроков и качества работ; отсутствие штрафных санкций за нарушение условий контракта и привлечение компании к другим проектам по государственному заказу	Общественный и государственный контроль хода выполнения контракта и качества работ, в случае несоответствия – расторжение контракта со штрафами и невозможностью в дальнейшем работать по государственному заказу
Цели и мотивации	Максимальное изъятие государственных средств в целях личного обогащения и вывоза их в офшор	Выполнение общественнозначимых проектных задач с надлежащим качеством и за адекватное вознаграждение менеджерам

ция российской экономики, которая привела к радикальной смене курса в 1917 г. Подчеркнем, контрактный раздаток – институциональная система, в которой сосуществуют разные формы собственности, с правовым запретом использования государственного ресурса в личных целях. При контрактном раздатке хозяйствующие субъекты разных форм собственности действуют самостоятельно, исходя из условий контракта, а государство в форме стратегического и проектного планирования направляет их активность в нужное русло. Мелкий и средний бизнес – важная часть государственной стратегии развития экономической активности, которому нужны льготные кредиты, инфраструктура и земля – все то, что является объектами государственных раздач, поэтому такая система является контрактным раздатком (табл. 3).

Механизм функционирования социального государства строится на правительственных проектах и таких методах, как лицензирование и предоставление прав определенным акторам; принятие решений по ограничению отдельных секторов рынка; установление приоритетов, определяемых тем, как должны функционировать конкретные секторы рынка (Newman, Clarke, 2009). Косвенным показателем уже начавшегося перехода от квазирынка к контрактному раздатку является начало реализации массовой жилищной программы с введением законодательно закрепленных стандартов, формированием источников финансирования в виде льготной ипотеки и новых служебных форм обеспечения жильем[5].

[5] Доступный комфорт // Коммерсант. 2018. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3554983.

Таблица 3

Модель контрактного раздатка в сравнении с раздаточной экономикой

Структурные блоки	Раздаточная экономика (советская модель)	Модель контрактного раздатка
1. Система управления	Ведомственно-иерархическая	Программно-бюджетная
2. Форма организаций	Государственная, общественно-коллективная	Государственная, частная, акционерная
3. Производственная программа	Директивные задания	Частные и государственные инвестиции, государственные заказы
4. Система нормативов	Единая отраслевая	Законодательные ограничения – стандарты
5. Цены	Установленные централизованно	Свободные цены и регулируемые тарифы
6. Система обеспечения и финансирования	Безналичное фондирование	Государственные кредиты, частный капитал, ценные бумаги
7. Оплата труда	Общегосударственное штатное расписание	Трудовые контракты государственного и частного вида
8. Обеспечение жильем и социальными благами	Бесплатная раздача по нормам и нуждаемости (ведомственный, отраслевой, партийный контуры иерархии), жилищные кооперативы, индивидуальное жилье	Покупка, аренда, государственная, социальная и служебная ипотека, жилищные пособия, общественные секторы с раздачей жилья малообеспеченным
9. Система регистрации	Обязательная	Уведомительная и разрешительная
10. Сигнальная система	Административные отчеты и рапорты, жалобы	Жалобы и обращения в органы управления и суды, прибыльность (здесь совмещены нерыночные сигналы с рыночными сигналами – прибылью и исками в арбитражные суды)

Следует заметить, что каждый новый институциональный цикл после фазы трансформации начинался с массового обеспечения жильем социально-служебных (обобщенный термин, обозначающий всех работающих на государство и служащих ему: бюджетники, они же в качестве пенсионеров, армия (все в погонах), но не управленцы) слоев населения.

Экономическая практика развитых стран показала, что совместное развитие институциональных *форм раздатка* и рынка становится необходимым условием экономического роста и функционирования социального государства. Следовательно, экономический курс на основе модели *контрактного раздатка* в современной России не станет возвратом в советское авторитарное прошлое, а будет служить эффективным двигателем преодоления системного кризиса и формирования демократического порядка открытого доступа.

Список литературы

Аганбегян А.Г. В преддверии структурных реформ и социально-экономического роста: куда идти (размышления над книгой «Новое интегральное общество») // ЭКО. 2017. № 1. С. 72–93.

Аджимоглу Д., Робинсон Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2015.

Анчишкина О.В. Контрактные основы российской экономики: сфера государственного, муниципального и регулируемого заказа // Вопросы экономики. 2017. № 11. С. 93–110.

Бессонова О.Э. Интегрально-институциональная парадигма и российский путь: преодоление дефектов концепций «власть–собственность» и «X–Y-матриц» // Общественные науки и современность. 2018. № 4. С. 127–142.

Бессонова О.Э. Рынок и раздаток в российской матрице: от конфронтации к интеграции. М.: РОССПЭН, 2015.

Блок Ф. Роли государства в хозяйстве // Экономическая социология. 2004. Т. 5. № 2. С. 37–56 (ecsoc.hse.ru).

Буайе Р., Бруссо Э., Кайе А., Фавро О. К созданию институциональной политической экономии // Экономическая социология. 2008. Т. 9. № 3. С. 37–56 (ecsoc.hse.ru).

Гребер Д. Долг: первые 5000 лет истории. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.

Кларк Д. За рамками государственного и частного? Трансформация смешанной модели благосостояния // Журнал исследований социальной политики. 2011. № 9 (2). С. 151–168.

Конотопов М. (ред.) Экономическая история мира. Европа. Т. 3. М.: Дашков и Ко, 2005.

Ле Гранд Д. Другая невидимая рука: предоставление общественных услуг на основе выбора и конкуренции. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.

Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.

Поланьи К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. М.: Алетейя, 2002.

Фукуяма Ф. Государственный порядок. М.: АСТ, 2015.

Хиггс Р. Кризис и Левиафан: Поворотные моменты роста американского правительства. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2010.

Хиршман А.О. Выход, голос и верность: Реакция на упадок фирм, организаций и государств. М.: Новое издательство, 2009.

Хэзлитт Г. Типичные ошибки государственного регулирования экономики. М.: Серебряные нити, 2000.

Hayden G.F. An evaluation of institutional matrices theory which was designed to illustrate differences between Russian and Western political economies // Journal of Economic Issues. 2017. № 2 (51). С. 467–475.

Newman J., Clarke J. Publics, politics and power: Remaking the public in public services. L.: Sage, 2009.

Samuelson P.A., Nordhaus W.D. Economics, 19th ed. L.: The McGraw-Hill, 2010.

Рукопись поступила в редакцию 27.03.2018 г.

INSTITUTIONAL DILEMMA OF MODERN RUSSIA

O.E. Bessonova

Olga E. Bessonova, Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk, Russia, beol@ngs.ru

The article attempts to answer the question of what socio-economic system is causing in the depths of evolution, and explain, why the contractual model provides the conditions for entering a new economic development stage. The conceptual basis of this is the synthesis of the author's *razdatok theory* with modern institutional concepts. The result of the rethinking of institutional evolution was the conclusion that the confrontation between market and *razdatok* (non-market, distributive) economies is replaced on integration of market and *razdatok institutions* in the 21st century. Therefore, the institutional dilemma is not a plan or a market, and not socialism or capitalism, but a quasi–market or contractual *razdatok*. Outwardly, both models look similar – resources are distributed through state orders on a competitive basis and contracts are concluded with legal guarantees. However, the quasi-market is based on the extractive synthesis, and protects the monopoly acquisition of public rent by a narrow group of individuals. Whereas the model of *contractual razdatok*, being a result from inclusive synthesis and the mechanism for the functioning of a social state, ensures the effective inclusion of all social groups in the process of economic development.

Keywords: quasi-market, contractual razdatok, open access order, inclusive institutions, razdatok economy.

JEL: B52.

References

Acemoglu D., Robinson J. (2015). Why nations fail. The origins of power, prosperity, and poverty. Moscow, AST (in Russian).

Aganbegyan A.G. (2017). On the eve of structural reforms and socio-economic growth: where to go (reflections on the book «New Integral Society»). EKO, no. 1, pp. 72–93 (in Russian).

Anchishkina O. (2017). Contract institutions in the Russian economy: The sphere of state, municipal, and regulated procurement. *Voprosy Ekonomiki*, no. 11, pp. 93–110 (in Russian).

Bessonova O.E. (2015). The market and razdatok in Russian matrix: From confrontation to integration]. Moscow, ROSSPEN (in Russian).

Bessonova O.E. (2018). Integral-institutional paradigm and the Russian way: overcoming the defects of the concepts of «Power–Property» and «X-Y matrices». Obshchestvennye nauki i sovremennost', no. 4, pp. 127–142 (in Russian).

Blok F. (2004). The roles of the state in the economy. Ekonomicheskaja sociologija, vol. 5, no. 2, pp. 37–56 (in Russian) (ecsoc.hse.ru).

Buaje R., Brusso Je., Kaje A., Favro O. (2008). Towards an institutionalist political economy. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 9, no. 3, pp. 37–56 (in Russian) (ecsoc.hse.ru).

Clarke J. (2011). Beyond public and private? The changing welfare mix. *Zhurnal issledovanii sotsial'noi politiki*, vol. 9, no. 2, pp. 151–168 (in Russian).

Fukuyama F. (2015). The origins of political order. Moscow, AST (in Russian).

Greber D. (2015). Debt: The first 5000 years of history. Moscow, Ad Marginem Press (in Russian).

Hayden G. (2017). An Evaluation of Institutional Matrices Theory Which was designed to illustrate differences between Russian and Western political economies. *Journal of Economic Issues*, vol. 51, no. 2, pp. 467–475.

Hazlitt G. (2000) Typical errors of state regulation of the economy. Moscow, Serebryanye niti publ. (in Russian).

Higgs R. (2010). Crisis and leviathan. Critical episodes in the growth of American government. Moscow, IRISEN, Mysl' (in Russian).

Hirshman A. (2009). Exit, voice, and loyalty responses to decline in firms, organizations, and state. Moscow, Novoe izdatel'stvo (in Russian).

Konotopov M. (ed.) (2005). The economic history of the world. Europe. Moscow, Dashkov & Co, vol. 3 (in Russian).

Le Grand J. (2011). The other invisible hand: Delivering public services through choice and competition. Moscow, Institute Gaidara publ. (in Russian).

Mau V.A. (2010). Works in six volumes. Vol. 1. The state and economy: the experience of economic policy. Moscow, Delo (in Russian).

Newman J., Clarke J. (2009). Publics, politics and power: Remaking the public in public services. London, Sage.

North D., Wallis J., Weingast B. (2011). Violence and social orders. A conceptual framework for interpreting recorded human history. Moscow, Institute Gaidara publ. (in Russian).

Piketti T. (2015). Capital in the XXI century. Moscow, Ad Marginem Press (in Russian).

Polánnyi K. (2002). The Great Transformation. The political and economic origins of our time. Moscow, Aleteya (in Russian).

Samuelson P.A., Nordhaus W.D. (2010). Economics, 19th ed. London, The McGraw-Hill.

Manuscript received 27.03.2018